

Отзыв

официального оппонента Аржаковой Ларисы Михайловны
о диссертации Данилы Александровича Коско на тему «Образ России
в польском общественном мнении (вторая половина XIX – начало XX века»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки)

Исследование трудных, зачастую внутренне противоречивых русско-польских / польско-русских отношений – вне зависимости от хронологического периода – всегда было и остается актуальной научной проблемой, которая ничуть не рискует утратить свою актуальность и в будущем, в том числе, по причине близкого соседства двух славянских народов. Актуальность заявленной проблематики также обусловлена значимостью едва ли не перманентного взаимного обращения к истории двусторонних отношений, стремлением охарактеризовать, по возможности – познать (понять), *Другого* посредством создания образа *Другого*, что, как правило, в большей или меньшей степени направлено на самопознание, на познание *Своего*. Вместе с тем, приходится учитывать, что создание образа *Другого* отнюдь не обязательно определялось и определяется терминологией: богатая историческая традиция обеих сторон убеждает, что к подобного рода экзерсисам, к созданию образа *Другого*, тем более – Соседа, историописатели (пусть невольно) прибегали с незапамятных времен, несмотря на то, что в строгом смысле слова, становление имагологии как междисциплинарного направления, относят преимущественно к XX столетию.

Актуальность избранной Д.А. Коско темы определяется также тем обстоятельством, что она во многом сопряжена с исторической политикой (тесно связанной с исторической памятью), которая в современной политической практике занимает едва ли не первое место в повестке дня. Однако один из тезисов диссертанта, призванных подчеркнуть актуальность его исследования, который гласит, что «в условиях сохраняющейся геополитической напряженности достижение глубокого понимания исторического опыта взаимного восприятия становится особенно важной задачей для российской науки» (с.3), – представляется несколько оптимистичным, даже излишне оптимистичным. Хотя бы потому что «достижение глубокого понимания исторического опыта» настолько сложный процесс (в котором задействованы самые разные сферы научного знания, общественного сознания и общественной деятельности), что на его завершение (вряд ли возможное) особенно рассчитывать не приходится.

Структура диссертационной работы, разделенной на три главы (состоящие из параграфов), соответственно правлениям последних императоров России, выглядит продуманно и логично. Между тем трудно согласиться, что именно «предложенная структура, - как пишет диссертант, -

позволяет выявить причинно-следственные связи между наиболее значимыми событиями в политической жизни Царства Польского и динамикой публичных дискурсов, обеспечивая анализ того, как исторические катаклизмы и долгосрочные политические тенденции деформировали и усложняли образ России в польском общественном мнении» (с.30). Полагаю, что выявлением причинно-следственных связей, и не без успеха, был занят диссертант (а не структура), и только диссертант (а не структура) стремился проанализировать влияние политической ситуации на формирование (и деформацию) образа России в польском общественном мнении.

Для достижения поставленной в диссертации цели, которая, по словам Д.А. Коско, заключалась в «комплексной характеристике образа России в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в.», диссертант обозначил ряд задач, содержание которых особых возражений не вызывает. Определенные возражения вызывают источниковедческий и историографический обзоры, традиционно размещенные во Введении.

С одной стороны, Д.А. Коско подчеркивает, что его «исследование базируется на широком круге как опубликованных, так и архивных источников. Выбор темы во многом обусловлен большим количеством сохранившихся неопубликованных материалов» (с.9). С другой стороны, более близкое знакомство с текстом диссертации показывает, что отнюдь не архивные источники составили фундамент данного исследования. Материалы фондов ГАРФ были привлечены диссертантом, прежде всего, в Главе 1 (с. 39,42,44,54,56,58,59,63,64), а также в Главе 3 (с. 146,149, 154,156,173,174), в Главе 2 дело обошлось без архивных источников. Безусловно приветствуя принцип выбора темы (который, как сказано диссертантом, «обусловлен большим количеством сохранившихся неопубликованных материалов»), приходится отметить, что этот принцип требует большей согласованности между исходными авторскими заявлениями и возможностью их реализации.

В приведенном во Введении обзоре источников (с.9-15) Д.А. Коско заметно отошел от традиционной классификации исторических источников, предложив свой вариант классификации. Хотя достаточно было бы отметить, что в основу диссертации положен обширный комплекс письменных памятников, которые, в свою очередь, могут быть разделены на две крупные, но не равные по объему группы – повествовательные (практически все источники, использованные в диссертации: эпистолярное наследие, произведения художественной литературы, исторические и проч. труды, периодическая печать) и документальные. Правда, о документальных источниках судить труднее, несмотря на то, что диссертант счел возможным провозгласить: «Документальный комплекс Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) предоставляет уникальную источниковую базу для изучения формирования и эволюции образа России в польском общественном мнении изучаемого периода» (с.7). Сложность, однако, в том, что, характеризуя столь важные для раскрытия заявленной темы архивные

фонды, Д.А. Коско практически не конкретизирует, какие именно, делопроизводственные или актовые (законодательные) материалы фондов, он использовал в своей работе, в отдельных случаях составить о них представление можно только по основному тексту диссертации.

Немало вопросов вызывает историографический обзор (раздел Введения «Степень изученности проблемы») (с.15-24). Решение разделить всю историографию на польскую и отечественную, а внутри – по хронологическую принципу, оказалось не слишком удачным. Пусть не имагологического свойства, но историография вопроса, если трактовать его широко (что желательно), поистине огромна, вместить ее в диссертационный историографический обзор почти нереально, поэтому без известных ограничений, разумеется, не обойтись. В то же время нельзя согласиться с тем, что, например, историография эпохи ПНР представлена только трудами А. Валицкого и С. Кеневича (с.18-19, не больше страницы текста), а по поводу дореволюционной отечественной историографии (указано несколько фамилий) сказано, что в ней «тема затрагивалась фрагментарно» (с. 21). Освещение историографии советского периода (1918-1991) уместилось в одном абзаце, чуть больше повезло современной историографии. Но даже если «тема образа России» (с.24) в польском общественном мнении в предшествовавшей историографии проявляла себя, с точки зрения диссертанта, лишь косвенно, не означает ли это (хотя бы отчасти), что сам диссертант слишком узко трактует, что есть общественное мнение и что есть образ.

Так или иначе, в результате беглого обзора литературы диссертант приходит к выводу, что: «Существует недостаток глубоких и комплексных исследований, посвященных взаимовосприятию польской и русской культур, особенно в аспекте, несводимом к антагонистическому контексту» (с.24). Надо полагать, что теперь появляется возможность заполнить эту историографическую лауну.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что основной текст диссертации Д.А. Коско написан на должном научно-квалификационном уровне. Именно предпринятое диссертационное исследование, а не источниковедческий обзор Введения, демонстрирует солидный объем разнородных источников, анализ которых диссертант последовательно и методично подчинил выявлению образа России (образа власти и образа общества) в польском общественном мнении второй половины XIX – начала XX века. Очевидно: сколь обширна источниковая база диссертации, столь также обширен избранный Д.А. Коско хронологический период, что само по себе свидетельствует о том, как свободно диссертант ориентируется во времени (в более чем полувековом хронологическом периоде), в пространстве (в историческом контексте) и в избранном для исследования источниковом поле.

Пусть даже не всегда результаты наблюдений бесспорны и убедительны. Так, когда диссертант пишет, что Генрих Мерцбах «закреплял образ

государства, открыто называя российское правительство «тираном», методично сокрушающим польский народ» (с. 45), а «в творчестве Мечислава Романовского имперский режим персонифицировался в образе кровавого тирана, от ударов которого «погибают наши братья»» (с. 46), – в пору заметить, что подобные эпитеты не новость, но – преемственность. В польской общественной мысли Раннего нового времени власть в соседнем Русском государстве называли не иначе, как тиранской, всячески настаивая на преимуществах принятого в Речи Посполитой способа правления.

Вовлеченность диссертанта в источник, его увлеченность источником, иногда кажется даже избыточной. Следуя за источником, раз за разом фиксируя яркие, причем, нередко повторяющиеся эпитеты, диссертант не всегда спешит делать обобщения, будто не рискуя тронуть живую ткань истории. Справедливости ради надо сказать, что некоторые обобщения (не заслоняющие источник), тем не менее, встречаются. Например, диссертант резюмирует: «Это создает образ государства, целью которого является не управление, а истощение и потребление ресурсов покоренной территории» (с.59). В связи с «ресурсами покоренной территории» хотелось бы отметить, что подчеркнуто современная (в смысловом плане) фразеология отнюдь не обязательно идет на пользу историческому исследованию.

Приводя мнение П. Попеля, уверенного, что Ноябрьское восстание стало «большой политической ошибкой, повлекшей множество жертв» (с. 50), диссертант оставляет без внимания, что аналогичного мнения придерживался не только Попель (а также, например, В. Спасович и его сподвижники). Комментарий диссертанта (и не только в данном случае) явно не хватает. Кроме того, когда Д.А. Коско пишет о польском народе как о мученике (в полном соответствии с повстанческой риторикой) – «польский народ здесь снова выступил в роли мученика» (с. 48), – остается не совсем ясно, какой смысл он сам вкладывает в это понятие. Мнение (пояснение) диссертанта по поводу таких ключевых для имагологических, антропологических исследований понятий, по поводу которых не утихает полемика, если не необходимы, то, по крайней мере, желательны.

Думается, что в многослойном тексте, основанном на разнородных источниках, сюжет, связанный с пониманием как самим диссертантом, так и польским обществом изучаемого им периода, что такое «народ» (не в старошляхетском смысле слова), приобретает особое значение. Это тем более важно, что диссертант не раз оперирует такими понятиями, как «национальная идентичность», «национальное сознание», тесно сопряженными с понятием «народ». Поэтому к диссертанту возникают вопросы, когда он, в частности, отмечает, что польские авторы характеризовали Александра II как «непопулярного среди народа человека, которого интеллигенция упрекала в нежелании предоставить народу политические свободы и реформы, а в народе» (с.91). Какой смысл пишущие поляки вкладывали (судя по контексту) в слово «народ», как диссертант интерпретирует восприятие поляками фигуры императора-реформатора с

использованием такого сложного термина, как «народ»? Иногда достаточно бывает ограничиться оговоркой, для того чтобы дать понять читателю, что автор, здесь – диссертант, вполне осознает многозначность используемых им понятий.

При свободном владении источниковым материалом диссертант, тем не менее, позволяет себе недоговоренности и неточности. Характеризуя позицию галицийских консерваторов, он игнорирует то обстоятельство, что политическая позиция старшего поколения краковских консерваторов (Адама Потоцкого, Павла Попеля) отличалась от позиции младшего поколения консерваторов Галиции, так называемых станьчиков (Юзеф Шуйский, Станислав Тарновский, Станислав Козьян). Также обращает на себя внимание, что Д.А. Коско будто раз и навсегда делает выбор в пользу той, а не иной терминологии. Несмотря на то, что речь идет о второй половине XIX – начале XX в., польские земли под властью Российской империи он называет исключительно Царством Польским, именуя его Привислянским краем лишь единожды (с.150). Так, применительно к галицийским консерваторам диссертант говорит о прагматизме, но, кажется, никогда – о лоялизме, за который ратовали станьчики; не раз говорит о соглашателях (с. 139, 140, 144,157), но – не об угодниках (В. Спасович, Э. Пильц).

Признавая, что любые хронологические границы условны и подвижны, трудно в полной мере разделить мнение диссертанта о том, что «после подавления Январского восстания на территории Царства Польского началась политика русификации, предполагавшая борьбу с польским языком» (с.52). Конечно, борьбу с польским языком можно понимать по-разному, и в разные периоды она велась по-разному. Но если обратиться к осуществлявшимся практическим мерам, то достаточно вспомнить, что еще в 1843 г. в Варшаве на русском языке была издана, предназначенная для польского юношества, «Польская история. В виде учебника», автором которой выступил однажды упомянутый диссертантом Н.И. Павлицев.

Остается сожалеть, что ссылаясь на архивные источники (таких ссылок немного), диссертант не дает знать, что собой представляет источник, одновременно избегая прямого цитирования, что не позволяет читателю уловить дух источника, а потому вынуждает его довольствоваться авторской интерпретацией содержания памятника. Так, о Кароле Родоковском (посол Галицийского сейма) читаем: «Он представлял русификаторскую политику в Царстве Польском не как административную меру, а как систематический геноцид: насильственное искоренение коренного населения и целенаправленное уничтожение культурной и духовной идентичности» (с.58). Возникает вопрос, какие слова использовал автор XIX в., чтобы современный нам автор, диссертант, смог трактовать их как систематический геноцид?

В содержательно насыщенном тексте диссертации временами страдает логика. Например, сначала речь идет о польской эмиграции

демократического толка, создававшей «позитивный образ русских борцов за свободу» и приветствовавших «идею союза с русскими революционерами» (с.77), затем – о правом крыле польской демократической эмиграции (о левом, кажется, ни слова), не питавшей иллюзий насчет свободолюбия русского народа (с. 76). В подтверждение тому на страницах «Обозрения польских дел» («Przegląd rzeczy polskich»¹), многократно транслировался «образ варварской и архаичной России», который должен был служить соотечественникам «предостережением против излишних надежд» (с.76). Зато отрадно, что пусть не сразу, но диссертант все-таки счел необходимым отметить разногласия, свойственные польским демократам (с.77), тем самым нивелировав допущенную в тексте погрешность.

Обращение диссертанта к расовой теории, подталкивавшей к размышлениям о неизбежности «антагонизма между поляками и русскими» (с. 68) и воздействовавшей на трансформацию образа русского общества в глазах польского общественного мнения, выглядит целесообразно. В контексте разработки заявленной проблематики оно заслуживает того, чтобы быть специально отмеченным.

В целом, текст диссертации не простой, он не лишен языковых изъянов: в нем встречаются фразы-напоминания (с.39-41,50-51), случается повторение фраз на одной и той же странице (с. 28-29, 46), но, что следует признать, текст увлекает читателя, даже не во всем с автором согласного. В тексте немало словесных шероховатостей: «периодическая печать, издаваемая организациями различного идеологического профиля» (с. 13), «работы по теме образа России» (с.23), «царская власть сакрализуется как бич Божий» (с.49), «для придания религиозного значения образу царской власти, изображая его как метафизическое зло» (с.45), «на фоне гибели Александра II» (с. 91). И, думается, указание даты Январского восстания (причем, не один раз) выглядит явно лишним. Встречаются фразы, будто указывающие на определенную информацию, но не делающие эту информацию явной (рубрика Введения «Методологическая и теоретическая база») (с.24-25): «В ходе исследования были использованы различные методы анализа источников и литературы» (с.25), – однако без указания, какие именно методы. Зато диссертант счел нужным подчеркнуть, что «важно учитывать проблему репрезентативности собранных данных». Замечание уязвимо: все-таки важна не проблема репрезентативности использованных источников, а их репрезентативность как таковая.

Не остаются незамеченными другие досадные огрехи представленного исследования, что касается, например, оформления «Списка источников и литературы». Кроме того, диссертантом недостаточно использована новейшая польская научная периодика, содержащая статьи по интересующей его теме.

---

¹ Перевод названия «Przegląd rzeczy polskich», пожалуй, не вполне корректен, это не столько «Обзор польской собственности», сколько «Обозрение польских дел» или «Обзор польских дел».

Одной из отличительных черт диссертации выступают своего рода интонационные колебания текста. Приводимые в тексте цитаты, как правило, лаконичные, и одновременно яркие. Тем не менее, зачастую приходится гадать, читатель сталкивается с умозаключением самого диссертанта либо с его вольным переложением слов польского автора. Так, когда Д.А. Коско пишет, что: «Акцент делался на образе русского общества в целом как «пассивной массы», которой царь управляет по своему произволу. Эта масса недостаточно развита политически и потому не способна осознать, что без свободной Польши не может быть свободной России» (с. 121-122), – не вполне ясно, кому принадлежат слова. В любом случае, авторского голоса, голоса диссертанта, здесь явно не хватает, не хватает его позиции, не хватает ясности того, как диссертант расценивает низведение русского народа до «пассивной массы», и что такая оценка говорит о самих поляках. Отношение поляков к русским, на основании которого возникал образ русских, во многом зиждилось на чувстве превосходства поляков, что, безусловно, обостряло переживаемые ими унижение и обиду, ведь ущемление польской нации исходило от представителей общества, пребывавшего, как писал С. Буциньский, «в состоянии глубокой политической и моральной деградации» (с.122). Не приходится удивляться, что этот деятель Польской лиги создал «резко негативный образ русских, которых он характеризовал как «невежественнейший народ... питаемый водкой и извращенными принципами» (с. 122). В диссертации Д.А. Коско приводится немало примеров аналогичного восприятия и аналогичных оценок русских, русской политической системы и неприглядной (с точки зрения поляков) русской повседневности (с. 123-126). Правда, диссертант также отмечает, что имели место исключения, каковое представлял собой ксендз Валериан Калинка.

Характеризуя образ России в правление Николая II, Д.А. Коско констатирует, что «в польском обществе уже сложилась своеобразная традиция периодически «смягчать» образ царских властей, что каждый раз было связано с ожиданием перемен к лучшему и надеждой на облегчение тяжелой судьбы нации по случаю прихода нового самодержца» (с. 132). Трудно сказать, почему диссертант, который со знанием дела способен рассуждать о вариативности образа России и русских в польском общественном мнении, не заметил, что его собственная констатация отчасти входила в противоречие с собирательным портретом поляка, выступавшим на страницах использованных им источников. Что приводило к смягчению (по выражению диссертанта) образа царских властей? Была ли это элементарная человеческая наивность, был ли это своеобразный расчет или тот самый прагматизм, на который диссертант не раз указывал? В любом случае, если все сводить к готовности поляков улавливать симпатии русского императора по отношению к польскому народу на основании его романа с танцовщицей (полькой по крови), то придется больше говорить о наивности (в какой-то мере – о самообмане), чем о трезвом прагматизме.

Зато в своем любовании Николаем II поляки проявили свое отношение (равнодушие) к русскому народу (в широком смысле слова), который после трагических последствий церемонии коронации получил право назвать своего императора Николаем Кровавым. На поляков, судя по всему, Ходынская катастрофа впечатления не произвела. Досадно, что диссертант не воспользовался случаем (контекстом) взглянуть на ситуацию с иной стороны, добавив характерные черты к портрету (образу) Поляка как *Своего*, в противовес образу Русского как *Другого*, – ограничившись констатацией того, что в польском общественном мнении сложился «образ Николая II как “дружественного” правителя» (с.141).

Наблюдения над представленным исследованием Д.А. Коско будут неполными без констатации того, что диссертанту особенно удастся препарирование под заданным углом зрения произведений польской художественной литературы. Тем самым он лишний раз, и небезуспешно, подтверждает целесообразность активного и широкого использования художественных текстов как исторических источников, хоть и требующих к себе нетривиального отношения и специальных методов исследования. Выборка польских авторов, носителей общественного мнения, в диссертации внушительна, выстроить стройную конструкцию на таком фундаменте бывает затруднительно. Видимо, отчасти это обстоятельство влечет за собой не столько хаотичность изложения, сколько упомянутые интонационные колебания текста. Сначала (Гл. 3) Д.А. Коско увлекается образами России и русских, созданными представителями «Молодой Польши», затем переходит к тому, как зарекомендовали себя на поприще создания образов польские историки, после чего вновь возвращается к «Молодой Польше». Впрочем, повторю, причина этого особенного ритма текста, думается, состоит как раз в том, что, по наблюдениям диссертанта, именно представители «Молодой Польши» «предлагали наиболее многослойный образ русского общества» (с.179). В таком случае всё встает на свои места.

Основной вывод диссертанта, согласно которому предпринятый «анализ эволюции образа России в польском общественном мнении на протяжении правления трех императоров выявил его динамичный, многогранный и зачастую противоречивый характер, тесно связанный с политическими и культурными процессами как в Польше, так и в целом в Российской империи» (с.185), следует признать весомым и обоснованным.

Автореферат диссертации Д.А. Коско отражает основные положения диссертации. По теме диссертации соискателем опубликовано 5 статей, из них 4 в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Результаты проведенного исследования были представлены в виде доклада и обсуждены на конференции «Актуальные проблемы современной гуманитаристики. Памяти профессора Г.П. Жидкова» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 2023).

Диссертация Д.А. Коско «Образ России в польском общественном мнении (вторая половина XIX – начало XX века)», представленная на

соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки), соответствует паспорту научной специальности 5.6.2. — Всеобщая история, и является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, имеющей научное и практическое значение. Диссертация полностью соответствует критериям и требованиям п. 9–11, 13–14 Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (с актуальными изменениями), а ее автор Данила Александрович Коско заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки).

Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт славяноведения Российской Академии наук»

Аржакова Лариса Михайловна

16 марта 2026 г.

Специальность, по которой оппонентом
защищена докторская диссертация,
07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования.

тел. +7 905 260-4614, e-mail: l.arzhakova@inslav.ru

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
inslav@inslav.ru

+7 (495) 938-17-80

Аржаковой Л.М.
удостоверяю
директора по
вопросам

А. В. НАДЕЕВ

16.03.2026